

В.А. Лекторский

Нуждается ли эпистемология в исследовании эмпирических фактов?

Лекторский Владислав Александрович – доктор философских наук, академик РАН, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

Автор исследует дискуссию о том, как развивать дисциплину, изучающую познание и знание: стоит ли в ней сохранять традиционную философскую проблематику и использовать соответствующие способы исследования или же нужно отказаться от философских наработок и проблем в этой области и начать разрабатывать эпистемологию как обычную эмпирическую науку. В статье обосновывается тезис о том, что сегодня эпистемология вступает в интенсивный диалог с когнитивными науками, предполагающий взаимное обогащение и взаимную критику. Эпистемология при этом не теряет нормативного характера, так как анализирует предпосылки когнитивной науки и критически их оценивает. В этой связи анализируется теория социальных эстафет выдающегося отечественного философа М.А. Розова.

Ключевые слова: эпистемология, философия науки, знание, познавательные нормы когнитивные науки, история науки, теория социальных эстафет

Под эпистемологией я понимаю, как это принято сегодня в мире, тот раздел философии, который посвящен анализу знания: его природы, условий и способов его обоснования, его структуры, возможностей и границ, отношения к познавательному процессу, к субъективному миру и внешней реальности. Словом, эпистемология – это то же самое, что теория познания. Я специально говорю об этом потому, что иногда в нашей литературе можно встретить утверждения о том, что эпистемология имеет дело только с исследованием научного познания и знания, так как именно последнее с этой точки зрения дает ключ к пониманию познания вообще. При таком понимании эпистемология

совпадает с философией науки. В действительности дело обстоит не так по простой причине: невозможно понять научное познание вне его отношения к обыденному, интерпретация сверхабстрактных научных теорий предполагает использование ресурсов обычного языка, бурное развитие когнитивных исследований сегодня заставляет тщательно изучать т.н. «народную психологию» с принятым в ней пониманием восприятия, мышления, сознания, понимания и т.д. Философия науки (в отличие от социологии, экономики и культуры науки) – это не что иное, как эпистемология научного познания.

В последние десятилетия в связи с успехами когнитивных наук разгорелась и продолжает идти дискуссия о том, как развивать дисциплину, изучающую познание и знание (как обычное, так и научное), стоит ли сохранять в ней традиционную философскую проблематику и соответствующие способы исследования или же нужно отказаться от философских наработок и проблем в этой области, от связанных с этим вековых споров и начать разрабатывать эпистемологию как обычную эмпирическую науку, т.е. строить теорию на основании исследования фактов реальной познавательной деятельности.

Между тем, дискуссия на эту тему возникла не сегодня. Она идет по крайней мере в течение последних трехсот лет. И связана она с тем важнейшим обстоятельством, что эпистемологию интересует не столько то, как фактически протекает познание у того или иного когнитивного агента, сколько то, как оно должно протекать в соответствии с определенными нормами, т.е. имеется или не имеется основание считать то или иное утверждение знанием. Именно такую характеристику дал знанию еще Платон, когда сама эпистемология не выделилась в особую дисциплину и даже не имела названия. По Платону только в том случае утверждение может считаться знанием, когда оно истинно и обосновано. Это, конечно, нормативное понимание.

Философы-эмпирики в XVII–XVIII столетиях претендовали на описание фактически имеющего место познавательного опыта и понимали свою деятельность в качестве связанной с наукой: Беркли предложил новую теорию зрения, Юм считал свою эпистемологию видом «экспериментального исследования» познания. В действительности это было не описанием фактов, а объяснением, от которого психология впоследствии отказалась: сегодня наличие отдельных ощущений в качестве кирпичиков построения восприятий, как считали сенсуалисты, поставлено под сомнение. При этом важно следующее: то, что выдавалось за дескрипцию (описание), было в действительности прескрипцией, нормативным предписанием: например, Беркли, опираясь на свою сенсуалистскую концепцию, критиковал ряд исходных установок только что возникшей классической механики.

Начиная с Канта, была сформулирована идея о том, что философское изучение познания принципиально отличается от его исследования в эмпирической науке, а поскольку на последнее претендовала психология, возникла «антипсихологическая» установка в эпистемологии. Метод философии по Канту – не эмпирический и не экспериментальный, а трансцендентальный: выявление сущностных смысловых оснований того, что считается несомненным фактом – «трансцендентальные условия возможности». Это относится и к фактам повседневного здравого смысла – единство опыта, наличие в нем причинных

зависимостей, единство познающего субъекта и т.д., и к таким фактам, как существование математики и естествознания. Если трансцендентальные условия не соблюдаются, имеет место не знание, а псевдо-знание, к которому, в частности, согласно Канту, относится метафизика.

Той же установкой руководствовалась трансцендентальная феноменология Э. Гуссерля в XX в. Философ с точки зрения последнего с помощью особых методов (эйдетическая редукция, трансцендентальная редукция, «эйдетическое интуитивное умозрение» и др.) выявляет сущностные структуры сознания. Феноменология противостоит т.н. «естественной установке», из которой исходит как обыденный здравый смысл, так и вся наука. Последние имеют дело с причинными зависимостями. Между тем, феноменология претендует на исследование первичных смыслов опыта и на критическую оценку того, что имеется в фактически протекающей познавательной деятельности.

Критика психологизма в эпистемологии была своеобразно продолжена в XX в. в аналитической философии. Логические позитивисты (Р. Карнап и др.) считали, что философ не занимается построением дедуктивных теорий как математик, и не собирает эмпирические факты, которые затем пытается теоретически осмыслить, как ученый в области фактуальных наук, а осуществляет логический анализ языка, прежде всего, языка науки, используя разработанный аппарат символической логики и исходя из принципа осмысленности высказываний, которым был объявлен принцип верификации. Философ с этой точки зрения не строит теорий, а занимается экспликацией, или логической реконструкцией языковых высказываний. Важно заметить, что принцип верификации не является ни логической тавтологией, ни априорной характеристикой сознания, ни эмпирическим обобщением. Это, согласно логическим позитивистам, некая интуитивная очевидность, коренящаяся в структуре языка.

В рамках другого направления аналитической философии, стимулированного работами позднего Витгенштейна, стала популярной идея о том, что философ занимается выявлением «логической грамматики» не научного, а обыденного языка. В этой связи были сформулированы правила употребления языка и дана критика тех случаев, когда, как считалось, эти правила не соблюдаются. Так и по Карнапу, и по Витгенштейну эти правила систематически нарушает метафизика. Но не только она. Оказывается, что с этой точки зрения в ряде случаев это делает и наука.

Анализом научного познания в связи с исследованием общих проблем эпистемологии философия занималась с древних времен. Проблематика науки как особого вида познавательной деятельности стала привлекать специальное внимание философов с XVIII в. Не случайно в своем главном эпистемологическом труде Кант задается вопросом о том, как возможны математика и естествознание. Но есть основания считать, что философия науки стала самостоятельным разделом философского знания всё же только в XX в., начиная с работ Э. Маха. Между тем, эмпирик Мах не строит свое понимание науки на основании изучения фактов ее истории. Он превращает сенсуалистскую концепцию в норматив и, исходя из него, декларирует идею «описательной физики» и отвергает научные теории, не укладывающиеся в эти рамки, в частности, молекулярно-кинетическую теорию теплоты и атомную физику, делавшую первые

шаги в начале XX в. Для логических позитивистов именно наука воплощает подлинное познание. Но о нем они судят не на основании изучения фактов истории науки, а исходя из своих представлений о принципах осмысленности языковых высказываний, в соответствии с которыми не только вся метафизика – набор бессмысленностей, но и часть научных теорий. Такой же внеисторический и не эмпирический характер имеет философия науки К. Поппера. Последний писал о сильном впечатлении, которое произвела на него теория относительности А. Эйнштейна. Но принцип фальсификации, который Поппер предложил в качестве средства демаркации научного и ненаучного знания, не был извлечен из изучения фактов реальной деятельности ученых, а опять же был сформулирован как некий норматив, с помощью которого можно оценивать теории с точки зрения их научности: в ненаучные при таком понимании попали психоанализ Фрейда и социально-экономическая теория Маркса.

Между тем, ряд философов пришел сегодня к выводу о том, что нужно отказаться от тех способов изучения познания и сознания, которые использовались не только в традиционной, но и в новейшей аналитической философии. Дело в том, считают эти философы, что притязания на выявление необходимых зависимостей в структуре познания и сознания с помощью особых концептуальных процедур, не подтверждаются как развитием самой философии, так и результатами современных когнитивных наук. Ведь философы-аналитики исходят в своей деятельности по рациональной реконструкции смыслов и норм из неких интуиций обычного опыта. Но развитие современных когнитивных наук ставит под сомнение целый ряд интуиций такого рода. И это связано с важнейшим принципом этих исследований: большая часть когнитивных процессов осуществляется бессознательно, а то, что сознаётся как интуитивно-очевидное, в некоторых случаях может быть заблуждением. В этой связи ряд философов приходят к выводу, что эпистемология должна быть понята как общая теоретическая часть когнитивных наук. Это было названо программой «натурализации эпистемологии». В рамках такого подхода, например, в 80-е гг. XX в. Д. Деннет выдвинул идею о том, что исследования в области искусственного интеллекта могут быть поняты как современная философия и психология [Dennett, 1981]. В наше время популярен проект нейрофилософии, предложенный супругами Чёрчленд, согласно которому все эпистемологические проблемы решаются в рамках когнитивной нейронауки. Супруги предлагают по-новому понять и проблематику философии науки, например, уподобив научную теорию нейросети [Churchland, 1986].

Революционный подход в разработке проблем философии науки предложил в 60-е гг. XX в. Т. Кун: его концепция была основана на изучении эмпирических фактов истории науки [Кун, 1977]. Его теория встретила критику. Но идея о важности соединения истории и философии науки с тех пор стала популярной.

Однако означает ли «натурализация» эпистемологии и философии науки отказ от традиционной эпистемологической проблематики? Я считаю, что для такого утверждения нет никаких оснований.

Дело в том, что, если речь идет об эпистемологии, то имеется в виду не только исследование познавательного процесса, изучаемого в том числе

когнитивными науками, но прежде всего поиск ответа на вопросы о том, что считать знанием, его структурой, способами его обоснования, его отношением к внешней реальности и к субъективному миру познающего, в конце концов поиск ответа на вопрос от том, что считать самым познающим субъектом. А эти вопросы всегда обсуждались в философии, которая выявила имеющиеся здесь проблемы и трудности и пыталась найти способы их решения. Сегодня самые дискутируемые вопросы в общей эпистемологии, философии сознания и когнитивной науке – это вопросы о статусе ментальных репрезентаций и их отношении к миру и субъекту, о природе сознания, о связи познания и деятельности, о границах познающего субъекта и др. Что касается разработок в области философии науки, которая сегодня пытается опираться на факты истории науки, то в ней идут самые острые дискуссии как раз по смысловым и нормативным вопросам: научный реализм и эпистемологический конструктивизм, возможности и границы редукции одних теорий к другим и т.д.

Поэтому не случайно, что главными теоретиками в области когнитивной науки стали именно философы: Х. Патнэм, Дж. Фодор, Д. Деннет, Э. Кларк. Сегодня имеет место интереснейшее явление: диалог философии и когнитивных исследований. При этом сочетаются методы концептуального анализа и определенные наработки аналитической философии с осмыслением результатов когнитивных исследований, методы феноменологии и идеи когнитивной науки (предложены программы «натурализованной феноменологии» и «нейрофеноменологии»). Эпистемология не растворяется в когнитивной науке, а, взаимодействуя с ней, не теряет нормативного характера, так как анализирует предпосылки концепций когнитивной науки и критически их оценивает.

В этой связи я хочу обратиться к наследию выдающегося отечественного философа Михаила Александровича Розова [Розов, 2008; Розов, 2012].

Он сформулировал проект развития эпистемологии как эмпирической науки, имея в виду прежде всего эпистемологию науки (философию науки). Эмпирическая наука для Розова – не собрание фактов, а их объяснение в рамках теории. Такую теорию, интерпретирующую и объясняющую факты истории науки, он предложил, развив идеи о социальных эстафетах, о куматоидах как способах бытия семиотических объектов, о рефлексивных преобразованиях в истории научного познания. Розов выделил два типа научных программ: исследовательские и коллекторские. Я считаю, что проект М.А. Розова имеет большой потенциал для развития философии науки и жалею о том, что круг исследователей в области эпистемологии и философии науки, знающих и использующих идеи Розова, еще недостаточно широк – правда, такое отношение к идеям отечественных мыслителей не редкость в нашей жизни. В связи с темой моего текста я хочу обратить внимание лишь на то, что в рамках своего понимания эпистемологии как эмпирической науки Розов обсуждает традиционные философские проблемы: что считать знанием, отношение знания к внешней реальности и конструктивной деятельности познающего, как понимать истину и т.д. Я не буду сейчас обсуждать предлагаемые им решения – обязательно сделаю это в другой раз. Хочу подчеркнуть только, что, как мне кажется, проект М.А. Розова подтверждает мою идею о том, что сегодня

эпистемология вступает в интенсивное взаимодействие и диалог (взаимное обогащение и критика) с рядом эмпирических исследований, начиная от когнитивных наук и кончая историей науки. Накопленный огромный эмпирический материал не только не снимает необходимости его философского осмысления, а делает последнее центральным для всего комплекса наук о познании и сознании [Лекторский, 2017].

Список литературы

- Кун, 1977 – Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
Лекторский, 2017 – Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии: новая жизнь старых проблем // *Лекторский В.А. Человек и культура*. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 50–98
Розов, 2008 – Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
Розов, 2012 – Розов М.А. Философия науки в новом видении. М.: Новый хронограф, 2012. 440 с.
Churchland, 1986 – Churchland P. *Neurophilosophy: toward a unified science of the mind-brain*. Cambridge., Mass.: MIT Press, 1986. 560 p.
Dennett, 1981 – *Dennett D. Artificial intelligence as philosophy and psychology // Dennett D. Brainstorms*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981. P. 108–126.

Does epistemology need to investigate empirical facts?

Vladislav A. Lektorsky

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: v.a.lektorski@gmail.com

The author has investigated the discussion about the way of elaborating epistemological problems: is it necessary to preserve traditional philosophical problems and methods of analysis or it is better to give up philosophical ways of thinking and to begin developing epistemology as empirical science. The author defends the thesis that now epistemology is engaging in an intensive dialogue with cognitive sciences, that presupposes mutual enrichment and mutual criticism. At the same time epistemology doesn't lose its normative function, as it critically analyses the presuppositions of theories in cognitive sciences. In this connection the theory of social relay races by outstanding Russian philosopher M.A. Rozov is being analyzed.

Keywords: epistemology, philosophy of science, knowledge, cognitive norms, cognitive sciences, history of science, theory of social relay races

References

- Churchland, P. *Neurophilosophy: toward a unified science of the mind-brain*. Cambridge. Mass.: MIT Press, 1986, 560 pp.
Dennett, D. "Artificial intelligence as philosophy and psychology", in: Dennett D. *Brainstorms*. Cambridge. Mass.; MIT Press, 1981, pp. 108–126.
Kuhn, T. *Struktura nauchnych revolutsii* [The Structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress Publ., 1977, 300 pp. (in Russian)

Lektorsky, V. “Transformetsija epistemologii: novaja zhizn’ staryh problem” [Transformation of Epistemology; a new life of old problems], in: Lektorsky, V. *Chelovek i kul’tura* [The Human being and Culture], Saint Petersburg: SPbGUP Publ., 2017, pp. 50–98. (In Russian)

Rozov, M.A. *Teoriya sotsial’nykh estafet I problem epistemologii* [The theory of social relay races and problems of epistemology], Moscow: Novyii khronograf Publ., 2008, 352 pp. (In Russian)

Rozov, M.A. *Filosofija nauki v novom videnii* [Philosophy of science: a new vision]. Moscow: Novy chronograf, 2012, 440 pp. (In Russian)